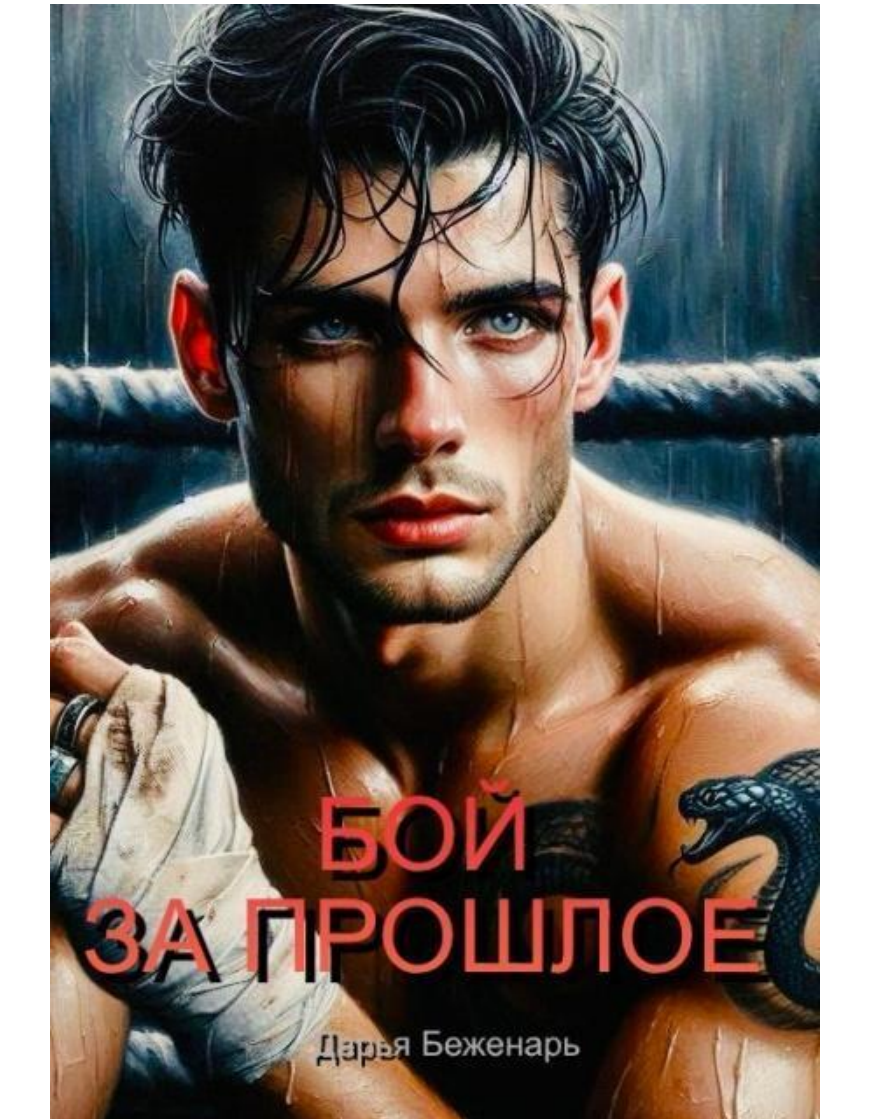

A dramatic oil painting of a man in a boxing ring. The man has dark, wet hair and intense blue eyes, looking directly at the viewer. He is shirtless, with a snake tattoo on his left shoulder and a white cloth wrapped around his right arm. The background is dark and moody, with a rope visible behind him.

БОЙ ЗА ПРОШЛОЕ

Дарья Беженарь

Дарья Беженарь

Бой за прошлое

<https://litres.ru/74548627>

Аннотация

В детстве речка соединила Софию и Матвея — двух одиночек, нашедших друг в друге дом. Но одна ошибка Софии разорвала их связь.

Теперь, спустя годы, они снова рядом. Только вот простить и быть прощённым — не одно и то же.

Готов ли Матвей отпустить обиду?

Хватит ли у Софии сил искупить вину?

И главное — останется ли между ними что-то, что можно спасти?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	53
Глава 7	59
Глава 8	66
Глава 9	76
Глава 10	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Глава 1

Моя смена в баре «Друзья» началась как обычно. Едва переступив порог, я вдохнула привычный микс ароматов: свежесваренный кофе, цитрусовые нотки мохито и лёгкий запах полироли для барной стойки. Стрелки настенных часов замерли на 18:00 — ровно в это время я обычно приступаю к работе.

Завсегдатаи заведения — в основном студенты моего института. Поэтому большинство лиц кажутся знакомыми — или действительно знакомы. Вот за дальним столиком сидит группа первокурсников: они ещё робеют, осторожно изучают меню и перешёптываются. А у окна — неизменная компания старшекурсников, которые уже знают все фирменные коктейли и любят поспорить о смысле жизни после пары бокалов крафтового пива.

Я работаю барменом со второго курса. По вечерам, сразу после учёбы, надеваю чёрную рубашку и беру в руки шейкер. И вовсе не считаю это постыдным или неправильным. Да, некоторые однокурсницы посмеиваются, когда заходят в «Друзья» отдохнуть. Смотрят с лёгким недоумением: «Ты тут работаешь? Серьёзно?» Но мне нужны деньги — пусть даже бабушка оставила мне свою квартиру и снимать жильё не приходится. Плата за обучение не покрывается стипендией, а мечты о магистратуре не реализуются сами по себе.

Я поправила бейджик с именем, бросила взгляд на зеркальную стену за барной стойкой и улыбнулась своему отражению. Сегодня будет обычный вечер. Или нет?

Я взялась за дело привычно и уверенно: протёрла стойку до зеркального блеска, проверила запасы сиропов и ликёров, выстроила в ряд бокалы. Каждый жест отточен до автоматизма — за два года работы движения стали почти ритуальными.

Первый заказ не заставил себя ждать. К стойке подошёл Максим из параллельной группы — вечно взъерошенный физик с горящими глазами.

— Двойной эспresso, пожалуйста, — произнёс он, устало опускаясь на высокий стул. — Сегодня был такой день, что без кофеина я просто рассыплюсь на кванты.

Я улыбнулась, включая кофемашину:

— Квантовая декомпозиция нам тут не нужна. Держи свой энергетический щит.

Пока машина гудела, взбивая густую пенку, я заметила, как в бар влетела моя лучшая подруга Алёна. Её рыжие кудри разметались по плечам, глаза горели возбуждением, а на щеках играл яркий румянец — видно, что она явно чем-то взбудоражена.

За ней следом шли два парня. Один из них — её новый парень Богдан, с которым она встречается уже месяц. Он, как всегда, выглядел безупречно: аккуратно уложенные светлые волосы, стильная рубашка в клетку и эта его фирменная по-

луулыбка, от которой Алёна обычно тает. Богдан небрежно держал в руке тёмные очки, хотя на улице уже давно стемнело.

Второй — широкоплечий высокий брюнет, в джинсовой куртке. Я вижу его впервые... Но что-то в его облике цепляет взгляд: резкие черты лица, пронзительные серые глаза, лёгкая небритость, придающая облику дерзкий шарм. Он двигался уверенно, чуть впереди Богдана, словно привык быть в центре внимания. Его куртка была слегка расстёгнута, под ней виднелась простая чёрная футболка, а на запястье поблескивал массивный кожаный браслет с металлическими вставками.

Он на мгновение задержал взгляд на мне, и по спине пробежали мурашки. Что-то неуловимо знакомое было в линии его подбородка, в том, как он слегка наклонил голову, рассматривая интерьер бара.

Стоп!

Это он???

10 лет назад

Я сижу у реки, подтянув колени к груди, и беззвучно плачу. Слёзы катятся по щекам, падая на подол платья, оставляя тёмные пятна. Вокруг — тишина, нарушаемая лишь плеском воды и редким криком птицы. Лето, но мне холодно. Холодно внутри.

Мама уехала. Уехала в Грецию с новым женихом — улыбочивым мужчиной с золотыми часами и громким смехом. Он

называл меня «малышкой», гладил по голове, а я чувствовала лишь неловкость и отстранённость. Какая я «малышка»? Мне уже почти двенадцать лет.

Теперь они вместе, где-то под южным солнцем, строят новую жизнь. А я... Я осталась. Осталась со своей бабушкой. Я её очень люблю — за тёплую улыбку, за запах ванильных булочек по утрам, за тихие вечера у телевизора, когда она, не жалея времени, объясняет мне задачи по математике. Но мама ведь есть мама. И от этого осознания боль только острее.

Как часто она теперь будет звонить? Раз в неделю? Раз в месяц?

Когда она приедет? Через год? Через два? А если никогда? Если Греция станет её настоящим домом, а я так и останусь здесь — призраком прежней жизни, которую она оставила на пороге новой?

Я вытираю слёзы рукавом, но они всё равно текут. В кармане платья нащупываю гладкий камешек, который когда-то нашла на этом берегу. Сжимаю его в ладони — холодный, твёрдый, настоящий. Он здесь. Я здесь. А мама... где-то там.

Солнце клонится к закату, окрашивая воду в цвета ржавчины. Ветер усиливается, шевелит волосы, будто пытается что-то сказать. Я закутываюсь в кардиган, хотя он давно не греет.

В голове крутится один и тот же вопрос: «Почему я не достаточно хороша, чтобы поехать с ней?»

За спиной хрустит ветка. Я оборачиваюсь — никого.

Только тени деревьев, длинные и причудливые, тянутся ко мне, словно пытаются утешить. Или забрать с собой.

Закрываю глаза. Дышу. Пытаюсь найти в себе силы принять то, что уже случилось. Принять, что теперь моя жизнь — это бабушка, школа, этот берег реки. И что-то внутри шепчет: «Ты справишься. Ты должна справиться».

— Привет!

Я обернулась. Передо мной стоял высокий и худой парень примерно моего возраста. На нём была серая футболка — где-то порванная, где-то грязная, синие джинсы, протёртые на коленях, и кеды, явно выдавшие лучшие времена.

У него были густые чёрные волосы с чёлкой, ниспадающей на пронзительно-серые глаза. В их оттенке читалась какая-то необъяснимая глубина — будто за этим взглядом скрывалась целая история, о которой я ничего не знала.

Его поза не была ни вызывающей, ни напряжённой — скорее расслабленной, но в то же время собранной. Он не торопился заговорить снова, просто смотрел на меня, слегка склонив голову набок, словно пытался что-то прочесть в моём заплаканном лице.

Ветер подхватил прядь его чёлки, на мгновение приоткрыв высокий лоб. Я заметила тонкий шрам над левой бровью — маленький, почти незаметный, если не всматриваться.

Молчание затягивалось, но оно не казалось неловким. Скорее... внимательным. Как будто мир на миг замер, оста-

вив только нас двоих у этой реки — незнакомцев, случайно столкнувшихся в точке чужой боли и тихого понимания.

Наконец он сделал шаг ближе и тихо спросил:

— Ты в порядке?

Я замерла, не зная, что ответить. Слова застряли в горле, а глаза снова наполнились слезами — то ли от обиды, то ли от неожиданности. Вместо ответа лишь нервно провела рукой по подолу платья, пытаясь собраться с мыслями.

Он не отвёл взгляда, не стал настаивать. Просто стоял, слегка наклонив голову, и ждал. В его глазах не было ни насмешки, ни фальшивого сочувствия — только тихое, почти осязаемое внимание.

Наконец я сглотнула и прошептала:

— Нет. Не в порядке.

Он кивнул, словно ожидал именно такого ответа. Сделал ещё один шаг, но не слишком близко — будто нарочно оставлял мне пространство, давая понять: я могу отстраниться в любой момент.

— Можно сесть рядом? — спросил он мягко, без напора.

Я пожала плечами. Скорее машинально, чем осознанно. Он понял это как согласие и опустился на траву в паре шагов от меня. Его кеды чуть скрипнули по влажной земле, а порванная футболка слегка задралась, обнажая край бледного запястья с тонкими синими венами.

Мы снова замолчали, но теперь тишина не давила. Она стала другой — тёплой, почти дружеской. Река продолжала

шептать свои вечные истории, а ветер играл с нашими волосами, будто пытаюсь связать два одиноких сердца в один незримый узел.

— Меня зовут Матвей, — сказал он вдруг, глядя на воду.
— А тебя?

— София, — ответила я, впервые за этот день улыбнувшись — едва заметно, краешком губ.

Он повернул ко мне голову, и в его серых глазах мелькнуло что-то неуловимое — то ли понимание, то ли тень собственной невысказанной боли.

— Красиво, — произнёс он просто. — И ты, и имя.

Я не нашлась с ответом. Только крепче обхватила колени руками, чувствуя, как внутри что-то медленно начинает оттаивать.

— Моя мама уехала в Грецию, — сказала я, и голос дрогнул, словно натянутая струна, готовая порваться. Слова давались тяжело, будто каждое приходилось выталкивать из себя силой.

— Круто. А чего тебя не взяла? — спросил Матвей, и в его тоне не было насмешки — лишь искреннее недоумение.

Я опять разревелась. Слезы хлынули потоком, застилая глаза, плечи затряслись.

Он тут же обнял меня за плечо, мягко, но уверенно:

— Тишшш, тише-тише. Ты чего?

— Она не захотела меня брать с собой, — всхлипывала я, сжимая в руках подол платья. — Точнее... я думаю... её

жених не захотел меня брать. Сказал, что «ребёнок — это ответственность», а они хотят «начать новую жизнь»...

Голос сорвался, и я уткнулась лицом в ладони, чувствуя, как горячие слёзы просачиваются сквозь пальцы.

— Мне знакомо это чувство, — тихо сказал Матвей.

Я подняла на него заплаканные глаза:

— Твоя мама тоже уехала?

Матвей вздохнул, взгляд его потускнел. Он уставился куда-то вдаль, будто разглядывал невидимую точку на горизонте.

— Не совсем. Она оставила меня в роддоме, когда родила.

— О, Боже... — выдохнула я, инстинктивно закрывая рот ладонью.

Внутри всё перевернулось. Я вдруг остро ощутила, как мелочно звучат мои жалобы на маму. Которая всё равно у меня есть. Она будет мне звонить, писать, поздравлять с днём рождения и приезжать — пусть и не часто, но я на это надеюсь.

А он... он даже не знает, как выглядит его мать.

— И с кем ты живёшь? — спросила я почти шёпотом, боясь ранить ещё сильнее.

— С друзьями... — он запнулся, словно подбирая слова, — с теми, кто меня принимает.

— Сколько тебе лет, что ты живёшь с друзьями? — не удержалась я, хотя уже догадывалась, что ответ мне не понравится.

— Тринадцать.

— Разве в таком возрасте можно жить не в семье? — прошептала я.

— Они и есть моя семья, — твёрдо ответил Матвей, глядя мне прямо в глаза. — Я живу в детдоме.

— В детдоме? — повторила я, и это слово прозвучало как удар.

— Только не вздумай меня жалеть, — улыбнулся он, но улыбка вышла горькой. — Не люблю жалость. А ты теперь с кем будешь жить? С отцом?

— С бабушкой, — ответила я, и вдруг осознала, как мне повезло. Моя бабушка — милая, хорошая, любящая. И она у меня есть. — Отца я даже не видела никогда.

Матвей кивнул, словно это всё объясняло. В его глазах мелькнуло что-то тёплое — не сочувствие, а понимание. Настоящее, глубокое понимание того, каково это — чувствовать себя ненужным.

— Знаешь, — сказал он после паузы, — у каждого своя история. И своя боль. Но это не значит, что мы слабее других. Просто... мы другие.

Я молча кивнула, пытаюсь осмыслить его слова. В этот момент я вдруг поняла: несмотря на всё, что случилось, я не одна.

— Ладно, мне пора, — сказал Матвей, поднимаясь.

Я вдруг испугалась, что он уйдёт и всё закончится — это удивительное ощущение, будто я не одна, будто кто-то пони-

мает меня без слов.

— Зачем? — спросил он просто, без насмешки.

— Ну... пообщаемся, — я покраснела до корней волос, но продолжила: — Бабушка завтра булочки с корицей соби-
рается печь. Ты любишь булочки? Я тебе принесу.

— Булочки? Люблю! — его улыбка стала шире, а в уголке
глаза появилась смешная морщинка.

— Так что? Придёшь?

— Приду. Давай в это же время.

Я глянула на свои часы с пластмассовым ремешком, ко-
торые мама подарила на прошлый день рождения.

— Давай. Ну, я тогда пошла? — я переступила с ноги на
ногу.

— Если хочешь... — он вдруг замялся, словно боялся ска-
зать лишнее, — я могу провести тебя домой. Уже темнеет.
Опасно одной ходить.

Его взгляд был таким тёплым и заботливым.

— Проведи, — прошептала я, чувствуя, как горят щёки.

Мы пошли вдоль берега. Вода уже отражала первые звёз-
ды — маленькие огоньки, будто рассыпанные по чёрной
глади. Шаги звучали приглушённо, смешиваясь с шорохом
листвы и далёкими городскими звуками. Начало августа, а в
воздухе уже пахло осенью — свежестью, влажной землёй и
чем-то уютным, как запах сухих листьев или горячего чая.

— Спасибо, — сказала я через несколько минут, сама не
зная, за что благодарю: за то, что не ушёл сразу, за его улыб-

ку, за то, что он просто рядом.

— Не за что. Вдвоём идти всегда легче, — ответил он так просто, что у меня потеплело на душе.

Мы подошли к моему подъезду. Над дверью горел фонарь, бросая тёплый жёлтый свет на ступеньки. В этом свете его лицо казалось особенным — тени подчёркивали скулы, прятали глаза в полумраке, но я всё равно чувствовала его взгляд — внимательный, будто он пытался что-то понять.

— Ну, что... тогда пока? Внутри всё сжималось: с одной стороны — радость, что познакомилась сегодня с ним, с другой — грусть, что он сейчас уйдёт.

— Тогда пока. До завтра, — ответил Матвей и улыбнулся.

Эта улыбка — лёгкая, чуть застенчивая — пронзила меня насквозь. В ней не было ни насмешки, ни равнодушия — только тепло и тихое обещание, что завтра мы снова встретимся. Что снова будем сидеть у реки, болтать о пустяках, а потом неспешно идти рядом, слушая, как вечер окутывает город мягким сумраком.

Я кивнула, не находя слов. Хотелось крикнуть: «Не уходи!», но я лишь прошептала:

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил он тихо.

Он сделал шаг назад, потом ещё один, не отводя взгляда. Я стояла, прижав ладонь к груди, чувствуя, как бьётся сердце — быстро-быстро, как птичка в клетке.

Когда его силуэт растворился в темноте, я медленно во-

шла в подъезд. Поднимаясь по лестнице, я всё ещё ощущала тепло его взгляда, слышала его голос, чувствовала это странное, новое ощущение — будто я не одна.

Зайдя в квартиру, я подошла к окну. Улица за стеклом была пустынна, лишь фонарь продолжал мерцать, храня отголосок нашего разговора. Я улыбнулась, прижимая ладонь к стеклу, будто пытаюсь дотянуться до той минуты, когда он сказал: «Вдвоём идти всегда легче».

И впервые за долгое время я почувствовала: завтра будет хорошим днём. Потому что завтра — он придёт.

Глава 2

«Это он! Точно он. Мой Матвей из детства».

Сердце колотилось так бешено, что, казалось, его удары отдавались в висках. Ладони предательски вспотели, и я крепче сжала тряпку для посуды, пытаюсь унять дрожь в пальцах. Глубокий вдох, медленный выдох — и вот я уже здороваюсь с Аленой и Богданом, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Соня, познакомься, — начала подруга, указывая на парня рядом.

— Матвей, — коротко отозвался мой бывший лучший друг, даже не глядя в мою сторону.

Его голос... Он почти не изменился — лишь стал глубже, мужественнее. Внутри всё сжалось.

— София, — ответила я, чувствуя, как пересохло в горле.

— Очень приятно, — бросил он и тут же отвернулся.

Они с Богданом уселись за стойку, а я осталась стоять как вкопанная, прожигая взглядом его спину. В голове крутилось: «Он что, меня не узнал? Серьёзно?!»

Алена внимательно рассматривала меня, чуть прищурившись:

— Всё в порядке? Ты какая-то бледная.

— Да-да, всё хорошо, — я заставила себя улыбнуться. — Что будете пить? — спросила громче, чем нужно, стараясь

звучать естественно.

— Мне мартини, — заказала Алена, не сводя с меня настороженного взгляда.

— Нам два «Хайнекена», — подхватил Богдан.

Матвей даже не повернулся. Я сжала кулаки под стойкой — так хотелось крикнуть: «Посмотри на меня! Ты же помнишь меня, правда?»

— Точно всё в порядке? — не унималась Алена, наклоняясь ближе. — Ты вся напряжённая.

— Да, точно. Просто... день такой, — отмахнулась я, стараясь не смотреть в сторону Матвея.

— Ты какая-то сегодня не такая. Мама опять звонила? — понизив голос, спросила подруга.

Я вздохнула:

— Да. Звонила.

— Снова звала к себе?

— Ага.

— И ты снова отказалась?

— Ага.

— Соня, сколько можно уже? — Алена коснулась моей руки. — Да, она оставила тебя в детстве, но оставила с бабушкой, не в детдом же отдала.

В этот момент Матвей обернулся и прищурился, глядя на меня. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на секунду — и тут же ушёл в сторону. Но этого мгновения хватило, чтобы внутри всё перевернулось.

«Неужели он до сих пор злится? Да, я его обидела, поступила ужасно. Но ведь столько времени прошло... Людям надо давать шанс. А сама-то я даю? Уже десять лет держу в себе обиду на маму. Даже бабушка на неё давно не обижается. Когда я поступила в институт, она сначала поехала к ней погостить, но ей так понравилась солнечная Греция, что она решила остаться. Я ведь уже взрослая. С бабушкой мы общаемся каждый день, я за ней очень скучаю. А с мамой... Надо что-то делать со своей обидой».

— Да, согласна с тобой, — ответила я Алене и, собрав всю волю в кулак, громко добавила: — Все мы совершаем ошибки. Но самая большая сила — это научиться прощать.

Матвей не обернулся, но я заметила, как напряглись его плечи. Может, услышал? Может, задумался?

— Как тебе Матвей? — тихо спросила подруга, наклоняясь ко мне.

— Матвей как Матвей. Ничего особенного, — равнодушно отозвалась я, ставя перед ней бокал с мартини. Руки чуть дрожали, но я надеялась, что Алена не заметит.

Потом поставила подставки и пиво перед ребятами и вернулась к Алине.

— Не знаю... По-моему, он красавчик.

— Не забудь поделиться этими мыслями с Богданом, — подмигнула я подруге.

— Ты иди ты! Я же это... со стороны.

— Да ладно, я всё поняла.

— У тебя парня не было уже сто лет. Может, присмотришься? — не успокаивалась подруга, понижая голос.

— Тебя случайно не Роза Сябитова зовут? — я подняла брови, стараясь перевести всё в шутку.

Алена открыла рот:

— В смысле?

— Мне сваха не нужна. К тому же я не заметила, чтобы ваш друг был заинтересован в моём обществе, — добавила я шёпотом, косясь на Матвея.

— Ну, ты же работаешь. Он не хочет отвлекать.

— Но тебя же это не останавливает, — улыбнулась я, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает.

— Ты вредина! — фыркнула подруга и подошла к Богдану. Он приобнял её, продолжая разговаривать с Матвеем.

Я вернулась к своим обязанностям, но краем глаза следила за троицей. Сердце всё ещё колотилось — то ли от волнения, то ли от обиды, то ли от странного, пока ещё робкого предвкушения.

Неожиданно раздался радостный писк Алены:

— Класс! Я за!

Я подняла взгляд, пытаясь сосредоточиться.

— Соня, пойдёшь с нами в пятницу? — спросила подруга, жестом подзывая меня ближе.

Я подошла и наклонилась к ней. В этот момент наши глаза с Матвеем встретились. Всё тот же шрам над левой бровью, всё те же пронзительные серые глаза, от которых невоз-

можно оторваться. Время будто остановилось — я уже не слышала, что говорила подруга и ничего не видела, кроме его взгляда, глубокого, изучающего, будто он пытался что-то прочесть в моём лице.

— Соня? Соня! Ау! Земля вызывает! — окликнул меня Богдан, хлопая ладонью по стойке.

— А? — я вздрогнула, возвращаясь в реальность.

— Так ты пойдёшь?

«Блин, я прослушала куда! Куда я пойду? Отвлеклась на глаза Матвея. Если сейчас переспрошу, буду выглядеть дуручкой».

— Да. Пойду, — ответила я, стараясь сохранить невозмутимый вид.

— Серьёзно? Тебе такое интересно? — удивился Богдан.

— Очень! — выпалила я, сама не зная, во что ввязываюсь.

Матвей удивлённо приподнял бровь, и на миг мне показалось, что в его глазах мелькнула тень улыбки. Или это просто игра света?

«О чём они говорили? Куда я пойду?!» — паника нарастала, но я продолжала улыбаться, надеясь, что выгляжу уверенно.

— Ещё по пиву? — спросила я у парней, отчаянно пытаюсь перевести тему и скрыть неловкость.

Матвей снова посмотрел на меня — взгляд короткий, но такой пронзительный, что внутри всё сжалось. Он ничего не ответил, лишь слегка повёл плечом.

— Да, пожалуй, — отозвался Богдан, улыбаясь.

«Это будет самый сложный и длинный мой рабочий вечер», — пронеслось у меня в голове. Мне так хотелось, чтобы Матвей заговорил со мной, чтобы в его глазах вспыхнуло узнавание, чтобы он вспомнил меня... Но он молчал. Его отстранённость резанула сильнее, чем я ожидала. Ясно как день — он не хочет со мной общаться.

— А вы... вместе учитеесь? — обратилась я к Богдану, кивая в сторону Матвея. Внутри ворох вопросов: откуда они знают друг друга? Богдан, насколько я знаю, из обеспеченной семьи, а Матвей... Матвей из детдома.

— Нет. Мы знакомы с детства, — коротко ответил Богдан, и по его тону стало ясно: развивать тему он не намерен.

Я кивнула, решив не настаивать. Не моё дело.

— А ты, Матвей? Учишься или работаешь? — снова повернулась я к нему, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он поднял на меня глаза — внимательно, будто изучал, и от этого взгляда по спине пробежали мурашки.

— Учусь, — сухо бросил он.

Серьёзно?! И это всё? Одно слово за весь вечер?

— Он учится на гейм-дизайнера, — вмешался Богдан, видимо, почувствовав моё замешательство.

— Как интересно! Значит, игры создаешь? — ухватила я за ниточку разговора.

— Создаю, — снова лаконично ответил Матвей, даже не улыбнувшись.

Два слова за вечер. Потрясающе.

Я натянуто улыбнулась, чувствуя, как внутри нарастает досада. Хотелось сказать что-то остроумное, лёгкое, чтобы растопить этот лёд, но слова будто застряли в горле. Вместо этого я молча взяла бутылку, налила пиво и поставила перед ними стаканы.

— Если нужно будет что-то ещё — зовите. — выдавила я, отступая назад.

Матвей лишь кивнул, снова утыкаясь взглядом в свой стакан. Богдан благодарно улыбнулся, но я уже отходила, чувствуя, как разочарование тяжёлым комком оседает внутри.

В пятницу утром Алёна написала: «Мы с Богданом заедем за тобой в 18:00. Будь готова!»

Я уставилась на сообщение, чувствуя, как внутри поднимается волна беспокойства. До сих пор не знаю, куда мы едем. Переспрашивать уже поздно — я ведь так уверенно согласилась, даже не уточнив деталей. «Ну, — мысленно успокаивала себя, — скорее всего, в кино, кафе или боулинг. Ничего необычного».

В 18:03 к дому подъехала машина. Когда дверь открылась, я сразу заметила: в салоне только Алёна и Богдан.

«А где же Матвей?» — кольнула мысль.

— Привет! — улыбнулась Алёна. Садись.

Я молча устроилась на заднем сидении. В голове крутилось: «Это что, свидание втроём? Не хочу чувствовать себя

третьей лишней... Я думала, он тоже будет». Но, судя по его поведению в баре, Матвей явно не горел желанием со мной общаться. «Он наверняка отказался.»

Машина тронулась. Мы выехали за город, свернули в промышленную зону. Ряды безликих складов, редкие фонари, пустынные дороги.

Желудок скрутило от нехорошего предчувствия.

«Если это шутка, то не самая удачная».

Через двадцать минут машина остановилась возле одного из складов — серого, обшарпанного, с ржавыми воротами.

«Да уж, это явно не кино и не боулинг», — пронеслось в голове. Я почувствовала себя полной дурой: за все эти дни так и не выяснила, куда мы поедем.

Мы вышли из машины. У ворот стоял огромный лысый мужчина со шрамом на лице. Его тяжёлый взгляд скользнул по нам, задержавшись на мне.

«Не нравится мне всё это», — похолодело внутри.

Богдан подошёл к нему, что-то тихо сказал. Мужчина кивнул, отступил в сторону, открывая проход.

Мы зашли внутрь.

Глава 3

Просторное помещение, заставленное ящиками и контейнерами. В центре — импровизированный ринг, огороженный канатами, вокруг — песок. По периметру толпились люди, громко переговаривались, смеялись, делали ставки. В воздухе витал запах пота, табака и адреналина.

«Это что... подпольные бои?!» — сердце пропустило удар.

Я резко повернулась к Алёне:

— Серьезно?!

Она лишь рассмеялась, схватила меня за руку:

— Расслабься! Это круто! Ты же любишь экстрим.

— Я люблю экстрим в виде американских горок, а не...

— я обвела взглядом ринг, — этого!

Богдан хлопнул меня по плечу:

— Не переживай, просто посмотрим. Матвей, кстати, должен уже появиться.

— Он будет с нами смотреть?

— Не совсем, — ответил Богдан, глядя куда-то в глубину зала.

Я проследила за его взглядом — Матвей стоял у ринга, разговаривал с коренастым мужчиной в спортивной куртке. На нём уже были боксёрские перчатки. В тусклом свете склада его фигура выглядела ещё более подтянутой и собранной,

чем в баре.

— Ставки будет делать? — с наивной надеждой спросила я, хотя уже догадывалась об ответе.

Богдан усмехнулся:

— Нет. Он будет драться.

Я резко повернулась к нему:

— Что?! Ты серьёзно?!

— Абсолютно, — кивнул Богдан. — Его соперник — местный чемпион. Парни давно хотели свести их на ринге.

Я снова посмотрела на Матвея. Он закончил разговор, стянул толстовку, оставшись в облегающей чёрной майке. Мышцы перекачивались под кожей при каждом движении. Он разминал шею, плечи, не глядя по сторонам. В его движениях не было ни суеты, ни волнения — только холодная, расчётливая сосредоточенность.

— И давно он участвует в таком? — спросила я, не отрывая взгляда от Матвея.

— Лет пять точно, — ответил Богдан.

— Это ведь... это ведь опасно. Его могут покалечить, — голос дрогнул.

Богдан усмехнулся, покосившись на меня:

— Матвея? Такого еще не было. Покалечить может только он.

В его словах не было хвастовства — только уверенность человека, который видел Матвея в деле не раз. Но от этого мне стало только страшнее.

— Так он и не гейм-дизайнер, значит? — вырвалось у меня.

— Почему? Как одно мешает другому? — тут же отозвалась Алёна. — Он учится, работает над проектами. А бои... Это его отдушина.

— И хороший заработок, — добавил Богдан, пожимая плечами. — Неофициальный, конечно, но суммы там серьёзные. Особенно если выигрываешь.

— То есть он... профессионально этим занимается? — уточнила я, стараясь не выдать дрожь в голосе.

— Ну, не совсем как боксёр-профи, — поправил Богдан. — У него нет менеджера, контрактов. Но в определённых кругах его знают. И платят хорошо.

На ринге рефери дал стартовый сигнал — резкий взмах руки и громкий удар гонга разорвал напряжённую тишину. Матвей сделал первый выпад — молниеносный, точный, словно бросок кобры.

Его соперник, массивный парень с татуировками на руках, едва успел отступить, инстинктивно прикрыв подбородок. Толпа взревела, захлопала, кто-то выкрикнул: «Давай, Матвей!»

— Смотри, как двигается, — с восхищением произнёс Богдан, подавшись вперёд. — Это не просто сила. Это стратегия. Он просчитывает каждый удар, будто партию в шахматы.

Я молча наблюдала, не в силах оторвать взгляд. В каждом

движении Матвея читалась холодная, почти пугающая уверенность. Он не дрался — он играл. Играл по своим правилам, в своей собственной лиге. Его стойка была безупречна: ноги на ширине плеч, колени слегка согнуты, корпус чуть повёрнут, чтобы минимизировать уязвимые зоны. Руки в высокой защите, локти прижаты — ни одного лишнего движения.

Первый раунд прошёл в разведке: Матвей нащупывал слабые места соперника, тот пытался пробить защиту мощными, но предсказуемыми ударами. Во втором раунде Матвей начал наращивать темп. Он скользнул в сторону, уклоняясь от прямого удара, и тут же ответил серией точных джебов, заставив противника отступить.

— Видала? — Богдан хлопнул меня по плечу. — Он его уже изматывает. Заметил, как тот начал опускать руки? Матвей ждёт момента.

И момент настал. В середине третьего раунда соперник, явно уставший, попытался провести размашистый боковой удар. Матвей мгновенно ушёл с линии атаки, сделал шаг вперёд и нанёс сокрушительный хук в печень. Противник согнулся, потеряв равновесие, а Матвей тут же добавил резкий апперкот в челюсть.

Рефери бросился между ними, поднял руку Матвея — победа техническим нокаутом. Зал взорвался аплодисментами, кто-то свистел, кто-то кричал: «Матвей! Матвей!»

Я стояла, затаив дыхание. Сердце колотилось как бешеное, но не от страха — от странного, незнакомого восхище-

ния. Это был не просто бой. Это было искусство. Искусство побеждать.

Матвей поднял руку в знак благодарности зрителям, затем снял перчатки и спустился с ринга. Его лицо покраснело от напряжения, на виске блестела капля пота, но глаза светились удовлетворением. Грудь тяжело вздымалась после напряжённого боя, но держался он уверенно, с достоинством победителя.

Он шёл в нашу сторону, и с каждым его шагом моё сердце билось всё чаще. В голове крутилась тысяча мыслей. Мне безумно хотелось, чтобы он подошёл ко мне, сказал хоть слово

Когда он уже был совсем близко, почти напротив меня, вдруг резко свернул в сторону. Я замерла, не понимая, что происходит. Всего в паре метров от нас стояла девушка — стройная, с длинными каштановыми волосами, собранными в небрежный хвост.

Матвей подошёл к ней без слов. На его лице мелькнула хищная улыбка, и с нарочитой демонстративностью он притянул девушку за подбородок, наклонился и страстно поцеловал.

Девушка на секунду замерла, явно не ожидая такого напора, но почти сразу расслабилась, обвила руками его шею и повисла на нём, отвечая на поцелуй с преувеличенным энтузиазмом.

— Ничего себе. Матвей даёт, — засмеялся Богдан, хлопая

в ладоши.

— Это его девушка? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Внутри всё сжалось, но я держалась.

— Та какая девушка, — отмахнулся Богдан. — Это адреналин его распирает. Он после боя всегда такой... импульсивный.

Матвей что-то шепнул девушке — я не расслышала, но по её улыбке поняла: что-то лестное, обходительное. Потом он развернулся и направился к нам.

— Ну, как вам? — спросил он, глядя скорее на Богдана и Алёну, чем на меня.

— Ты, как всегда, красавчик! — воскликнул Богдан.

— Согласна, — добавила Алёна, улыбаясь.

Я молчала. Не знала, что сказать. Да и, по-моему, его особо не интересовало моё мнение. Он даже не посмотрел в мою сторону — будто меня здесь и не было.

— Ну что, отметим победу? — предложил Богдан.

— У меня сегодня немного другие планы. Завтра отметим, — ответил Матвей, подмигнув Богдану.

Он развернулся, снова пошёл к той самой девушке, что поцеловал. Взял её за руку — на этот раз более уверенно, почти собственнически — и повёл мимо нас. Когда они проходили рядом, я уловила его взгляд. Всего на секунду. Но в нём было всё: вызов, насмешка, даже... злость?

Почему меня это так задевает? Я ревную? Похоже, что да.

Я глубоко вдохнула, выпрямилась и натянула на лицо без-

различную улыбку. Пусть считает, что я равнодушна. Потому что единственное, чего он точно не должен увидеть, — что меня задел этот спектакль.

Глава 4

Рабочая смена в баре с самого начала не задалась. То бокал разбила, то джин опрокинула, то зёрна кофе просыпала мимо отсека кофемашины. А теперь ещё и Женя с параллельного курса появился. Он уже несколько месяцев пытается ко мне подкатить — намеков не понимает совсем, поэтому пришлось прямо сказать, что он мне неинтересен. Но Женю это не остановило, а будто подзадорило: он продолжал регулярно приходить в бар в дни моих смен.

Когда я его заметила, попросила Свету, официантку, подменить меня на десять минут за баром — нужно было выйти подышать воздухом.

Я вышла на улицу. Вдохнула августовский воздух, который уже начинал пахнуть осенью: в нём смешивались ароматы увядающих листьев, прохладной земли и далёкого дыма от костров.

— Избегаешь меня?

Ко мне подошёл Женя. Он явно был очень пьян — хотя я налила ему всего сто грамм виски. Судя по всему, напился он ещё до похода в бар. Его глаза были мутными, движения — резкими и нескоординированными, а рубашка — наполовину выправлена из брюк.

Он приближался всё ближе, а я отступала назад, пока спиной не уткнулась в холодный бетонный забор. За спиной —

глухая стена, впереди — человек, от которого хотелось убежать.

— Что тебе нужно опять от меня? Мы ведь всё обсудили.

— Может, ты всё-таки передумаешь? — он приблизился ещё ближе, вторгаясь в моё личное пространство. Его дыхание — кислое, с примесями алкоголя — ударило в нос.

— Женя, отойди, — я отвернула лицо, пытаюсь отстраниться, но он стоял слишком близко.

Он дышал мне в ухо:

— Малышка, ну чего ты? Ты ведь знаешь, что я давно с ума по тебе схожу.

— Но мне это неинтересно. Я ведь уже говорила тебе.

Я попыталась оттолкнуть его, но он схватил меня за руки — его пальцы впились в кожу, оставляя едва ощутимые следы.

— Отпусти меня!

В этот момент Женя резко от меня отлетел.

— Матвей?..

Матвей отдёргнул от меня Женю с такой лёгкостью, будто тот был пустым мешком.

— Она сказала тебе отпустить.

— И что? — Женя ехидно улыбался, хотя в его глазах мелькнула тень неуверенности. — Ты кто такой, чтобы указывать?

— Это первое и последнее предупреждение. Даже не приближайся к ней. Услышал? — голос Матвея звучал тихо, но

в нём чувствовалась сталь.

— А если нет? То что? — Женя словно испытывал судьбу, уверенно расставив руки в стороны. Он пытался выглядеть грозно, но его покачивающаяся фигура и затуманенный взгляд разрушали этот образ.

Матвей схватил его за рубашку — ткань захрустела под его пальцами.

— Стой! Матвей, не надо, — я подбежала к нему и дотронулась до его руки. Она была напряжена, мышцы бугрились под тканью. Он повернул голову в мою сторону и посмотрел на меня — в его глазах читалось что-то неуловимое: то ли гнев, то ли беспокойство.

— Не надо. Он того не стоит, — повторила я, глядя ему в глаза.

Хватка Матвея начала ослабевать. Он не сводил с меня глаз и потихоньку отпускал рубашку Жени.

— Правильно. Послушный мальчик, — сказал Женя, пытаясь вернуть себе лицо. Его голос дрожал, но он старался это скрыть.

— Ну зачем? Ты что, самоубийца? — прошептала я, не отводя взгляда от Матвея.

В этот момент Матвей головой ударил Женю в лицо — звук был сухим и страшным, будто сломалась ветка. Я услышала хруст.

— Чёрт, мой нос! — Женя схватился за него, его пальцы тут же покрылись кровью. Он попятился назад, лицо иска-

зилось от боли и шока.

— Пошли отсюда, — Матвей протянул мне руку. Его ладонь была тёплой, сильной, и на секунду я почувствовала странное спокойствие.

— Я не могу. У меня смена.

— Во сколько ты заканчиваешь?

— В два часа.

— Пойдём тогда в бар. Я посижу с тобой, пока не закончишь.

Сегодня очень, очень странный день! Откуда возле бара взялся Матвей? Почему он за меня заступился? А теперь ещё и будет сидеть со мной, пока я не закончу смену. В голове крутился один и тот же вопрос: «Что всё это значит?»

— Матвей?

— Да, — он обернулся, его взгляд был внимательным, изучающим.

Сейчас или никогда.

Я зажмурила глаза, как перед прыжком в холодную воду, и резко выпалила:

— Почему ты сделал вид, что мы незнакомы?

— Когда?

— Когда ты пришел ко мне в бар с Алиной и Богданом.

— А мы были знакомы? — его бровь слегка приподнялась, но в глазах мелькнуло не удивление, а скорее осторожное ожидание.

Десять лет назад

Я уже месяц учусь в новой школе. Очень переживала, что с новенькой никто не будет общаться и мне будет тяжело найти подруг. Но, к моему удивлению, в первую же неделю со мной начала общаться самая популярная девочка в классе и её подруга. Мне уже не приходилось искать подруг — наоборот, все хотели дружить с нами. Я чувствовала себя как в сказке: новые наряды, смех в коридорах, совместные обеды в столовой, где все взгляды были прикованы к нашей компании.

Мы вышли из школы и шли к воротам.

И тут я увидела возле дерева Матвея. Я не видела его несколько дней — он куда-то пропал.

Он выглядел так, словно прошёл сквозь шторм: порванная футболка, джинсы, испачканные землёй на коленях. На лице явные следы драки: под глазом — синяк, бровь рассечена, губа разбита. Волосы, грязные и спутанные, напоминали воронье гнездо.

Он несколько раз уже приходил в таком виде ко мне — но это было не на территории школы и не при моих новых подругах. Он стоял и улыбался мне, и в этой улыбке было что-то тёплое, искреннее, что-то, что заставляло моё сердце биться чаще.

Девочки покосились на меня.

— Ты его знаешь, что ли? — спросила Мила, её голос зву-

чал с лёгкой насмешкой, будто она уже знала ответ и ждала, когда я сама себя выдам.

Матвей приблизился ко мне. Девочки удивлённо смотрели на него и на меня, их взгляды были как острые иголки, готовые впиться в любую слабость.

— Привет! — наконец сказал Матвей. Его голос был тихим, но я слышала в нём нотки радости.

— Мы знакомы? — спросила я и тут же почувствовала горечь во рту. Слова вылетели сами, будто их кто-то заставил меня сказать.

Матвей смотрел на меня с болью в глазах — такой глубокой, что она будто отразилась в воздухе между нами. Его плечи слегка опустились, а улыбка погасла.

— Извини. Обознался. Перепутал со своей подругой, — он развернулся и ушёл, его шаги были тяжёлыми, будто он нёс на плечах невидимый груз.

Какая же я гадина. Я недостойна его дружбы. Как я могла так с ним поступить? Я застыдилась его — перед этими девочками, перед их взглядами, перед их миром, где нельзя быть рядом с тем, кто выглядит не так, как все.

Я поспешила его догнать, но его уже и след простыл.

Наше время

— Хочешь сказать, я ошиблась? — уточнила я, пристально глядя в глаза Матвею.

Я уже поняла, что он прекрасно меня узнал, но не простил.

— Похоже, да, — произнёс он ровным, безразличным тоном.

— Твой перерыв разве не закончился?

Я кивнула и направилась за барную стойку. В голове всё ещё крутились обрывки нашего разговора, слова Матвея эхом отдавались в ушах. Я думала, что после этого он уйдёт, растворится в вечерней толпе, как и положено человеку, который не хочет иметь со мной ничего общего. Но он пошёл за мной.

Он сел на углу барной стойки, демонстративно отвернувшись, будто я — просто часть интерьера. Его поза была напряжённой, руки скрещены на груди, взгляд устремлён куда-то вдаль.

— Что-то хочешь выпить? — спросила я тихо, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Воду, — коротко ответил он, не поворачиваясь.

Я налила ему стакан воды, поставила перед ним. Руки слегка подрагивали — то ли от усталости, то ли от волнения. «А я вот сейчас совсем не прочь бы выпить», — пронеслось в голове. Но вместо этого я просто вытерла стойку, пытаюсь занять себя хоть чем-то.

— Зачем ты тогда вмешался? — не выдержала я, глядя на его профиль.

Матвей медленно повернул голову, встретился со мной

взглядом. В его глазах читалась смесь раздражения и чего-то ещё — может, усталости.

— А надо было не вмешиваться?

— Нет. Спасибо большое. Просто... Если ты меня не простил и... — я запнулась, подбирая слова, — и, видимо, никогда не простишь, зачем тогда заступился? И сейчас сидишь здесь, будто охраняешь меня? Ты ведь даже общаться не хочешь?

— Не хочу, — отрезал он, не отводя взгляда.

— Тогда зачем?

— Потому что могу. Если бы на твоём месте была любая другая девушка, я бы поступил так же. Так что не принимай на свой счёт.

Его слова ударили, как холодный ветер. Я сглотнула, пытаясь удержать внутри комков обиды.

— Ясно, — произнесла я, стараясь, чтобы это прозвучало равнодушно.

Я вернулась к работе — разливала напитки, принимала заказы, улыбалась посетителям. Но краем глаза всё равно следила за ним. Матвей сидел молча, не шевелясь, словно статуя. Время тянулось бесконечно.

Когда смена наконец закончилась, я заказала такси. Вышла на улицу, вдохнула прохладный ночной воздух. И тут же почувствовала, что он идёт следом.

— Тебя подвезти? — спросил Матвей, останавливаясь в

паре шагов от меня.

— Нет, — ответила я, не оборачиваясь.

— Ладно. Спасибо, — пробормотала я, садясь в машину.

Он не ответил. Я увидела в окно, как он подошёл к байку, стоящему возле входа, надел шлем, завёл двигатель. Через секунду его силуэт растворился в потоке света и тени, уносясь прочь по ночным улицам.

Я прислонилась к холодному стеклу, закрыла глаза.

«Он никогда меня не простит».

Глава 5

Сегодня у меня выходной в баре, и мы с Алёной решили устроить себе настоящий девичник. Но не в формате «пижам-сериал-мороженое» — хотелось чего-то особенного. Мы договорились красиво одеться, сделать макияж, собрать волосы в аккуратные укладки и отправиться в уютное кафе с панорамными окнами и приглушённым светом.

— Знаешь, что мне сейчас нужно? — спросила Алёна, поправляя прядь волос перед зеркалом. Глаза её были слегка покрасневшими — утром она крупно поругалась с Богданом.

— Что? — Чтобы кто-нибудь сказал мне: «Девушка, вы сегодня прекрасно выглядите». И чтобы это было искренне. Я рассмеялась: — Уверена, сегодня таких комплиментов будет много.

В кафе мы выбрали столик у окна — оттуда открывался вид на небольшую площадь с фонтаном. Заказали белое вино и сет роллов, включили на телефоне плейлист с любимыми песнями. Поначалу разговор лился легко: обсуждали учебу, работу, планы на зимние каникулы, смеялись над старыми историями. Но вскоре Алёна не выдержала:

— Он сказал, что я слишком много требую! — с горечью выдохнула она, сжимая в руках салфетку. Я накрыла её руку своей:

— И что же ты такого потребовала? — уточнила я.

— Я... Я хочу жить вместе.

— Алёна!

— Да-да, я в курсе, мы вместе всего лишь около двух месяцев. Ну и что? Если я и так постоянно остаюсь у него? Что это поменяет?

— Ну, по сути, ничего. Но я бы на твоём месте всё-таки подождала, когда он сам тебе предложит сделать этот шаг. А не настаивала.

— Ты хочешь сказать, не навязывалась?

— Ты не навязываешься ему, и явно же видно, что он тебя любит.

— Любит, как же. Я сейчас ему позвоню.

— Может, не стоит? Сейчас ещё в гневе наговоришь ему того, о чём потом пожалеешь.

Алёна всё равно набрала Богдана. Я думала, что она звонит ему ругаться, но она неожиданно извинилась перед ним за то, что давила, и сказала, что скучает. Послесказала, что мы в кафе, и назвала его.

— Ну, как, я молодец?

— Да, неожиданно, — я улыбнулась.

Именно в этот момент к нашему столику подошли двое парней. Высокие, стильно одетые, с самоуверенными улыбками и взглядами, будто они только что выиграли в лотерею. Один — с тёмными волосами и серьгой в ухе — сел напротив Алёны. Второй — светловолосый, с лёгкой небритостью — опустился на стул рядом со мной.

— Привет, девчонки, — начал тот, что сел возле меня, слегка наклонившись вперёд. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержавшись на губах.

— Привет, — сдержанно ответила Алёна, приподняв бровь.

— Мы вообще-то ждём наших парней, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Парень усмехнулся, откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди: — Да ты что? И где же они? Вы тут уже два часа сидите, и никто не приходит.

Я почувствовала, как внутри закипает раздражение. Алёна, заметив это, слегка коснулась моей руки под столом, будто говоря: «Спокойно».

— Ну, значит, они задерживаются, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Это не повод нарушать наше личное пространство.

Он приподнял ладонь, изображая жест «сдаюсь»: — Ладно-ладно, не кипятись. Просто хотели познакомиться. Вы такие красивые, что пройти мимо было невозможно.

— Спасибо за комплимент, но мы не заинтересованы, — вмешалась Алёна. — Если не возражаете, мы бы хотели продолжить наш вечер вдвоём.

Второй парень, до этого молча наблюдавший за разговором, наконец заговорил: — Ну и что в этом плохого? Мы просто хотим пообщаться. Может, выпьем вместе?

— Нет, спасибо, — отрезала я. — Мы уже заказали вино,

и нам его вполне хватает.

Парни переглянулись, явно не собираясь отступать. Тот, что сидел напротив Алёны, наклонился ближе: — Ну хоть номер телефона оставьте. А то как-то несправедливо — вы нас отшиваете, а мы даже шанса не получили.

Алёна уже открыла рот для резкого ответа, но в этот момент за спиной парней раздался знакомый голос:

— Девочки, вы ещё не закончили?

Мы одновременно подняли глаза. У столика стояли Богдан и Матвей. Лицо Богдана было мрачным, взгляд — ледяным. Матвей же, напротив, выглядел почти равнодушным, но в его позе читалась явная угроза.

— О, парнишки, — протянул светловолосый парень, не вставая.

— Может, присоединитесь? — с наигранной любезностью протянул светловолосый, кивая в сторону свободных стульев.

— Может, вы встанете и уйдёте? — холодно ответил Богдан, шагнув ближе. Его кулаки непроизвольно сжались, а взгляд стал жёстким.

— С чего бы? — усмехнулся темноволосый, демонстративно развалившись на стуле. — Девчонки не против нашего общества. Вижу по их улыбкам.

— Против, — резко сказала Алёна, поднимаясь. Её голос дрожал от гнева, но она держалась уверенно. — И я сейчас объясню почему. Во-первых, мы не просили вас подсажи-

ваться. Во-вторых, мы ясно дали понять, что не заинтересованы. В-третьих...

Не успела я опомниться, как Богдан схватил темноволосого парня за воротник, резко подтянул к себе и прошипел:

— Ты что, не понял? Девушки сказали «нет». Это значит «нет», а не «попробуйте ещё раз». Если ты не умеешь читать сигналы, я объясню иначе.

Светловолосый попытался встать, но Матвей преградил ему путь, встав в пол-оборота — так, чтобы полностью заблокировать выход. Его поза была расслабленной, но в глазах читалась недвусмысленная угроза.

— Сядь. Или будет хуже, — произнёс он тихо, почти шёпотом, но в этом шёпоте было столько металла, что парень невольно замер.

— Да кто вы такие, чтобы... — начал было светловолосый, но тут же замолчал, увидев выражение лица Матвея. В его взгляде не было ни капли сомнения — только холодная решимость.

Дальше всё произошло очень быстро. Богдан резко дёрнул темноволосого на себя, а затем толкнул — парень, не удержавшись, ударился о соседний столик, опрокинув чашку с кофе. Горячий напиток разлился по скатерти, несколько капель попали на брюки парня.

Матвей в это время перехватил руку светловолосого, заломил её за спину и коротко бросил:

— Встал. Пошёл вон.

Оба парня, явно не ожидавшие такого решительного отпора, поспешно ретировались. Один на ходу вытер кофе с рукава, другой, уже у двери, бросил через плечо:

— Ну и компания у вас...

Когда они скрылись за дверью, в кафе на секунду повисла тишина. Посетители, наблюдавшие за происходящим, вернулись к своим разговорам, но я чувствовала, как воздух всё ещё вибрирует от напряжения.

Затем к нам подошла официантка — молодая девушка с обеспокоенным лицом:

— Всё в порядке? Может, вызвать охрану?

— Нет, спасибо, — улыбнулась я, стараясь говорить спокойно. — Всё уже разрешилось.

Богдан опустился на стул напротив Алёны. Его лицо смягчилось, в глазах появилась искренняя теплота.

— Прости, детка. Я был таким придурком. Не хотел тебя обижать.

— Ты тоже меня прости, — ответила Алёна, опустив взгляд. — Я слишком резко реагировала.

— Давай жить вместе? Переезжай ко мне, — неожиданно предложил Богдан. Его голос звучал твёрдо, но в глазах читалась надежда.

— Может, не будем торопить события? — осторожно ответила Алёна. — Я не хочу, чтобы ты принимал такие решения под давлением. А я... я на тебя давила.

— Детка, не беси меня. Определись: ты хочешь жить вме-

сте или нет? — в его голосе проскользнула лёгкая раздражённость, но она тут же растворилась в улыбке.

— Хочу! — выдохнула Алёна, и в её глазах заблестели слёзы радости.

— Тогда завтра же жду тебя с чемоданами, — кивнул Богдан.

— Хорошо. Я тебя люблю.

— И я тебя, — он потянулся к её руке, и они нежно поцеловались.

Тем временем Матвей сидел рядом со мной. Его взгляд был спокойным, но в нём больше не было той отчуждённости, что раньше.

— Ты в порядке? — спросил он тихо.

Я кивнула, чувствуя, как внутри разливается тепло:

— Да. Спасибо.

— Что это были за придурки? Вы их знаете? — его голос звучал ровно, но я понимала, что он всё ещё напряжён.

— Нет. Впервые вижу, — ответила я.

— Я так и подумал, — кивнул Матвей.

— Ты уже второго моего ухажёра прогоняешь? — попыталась я пошутить, но, судя по всему, неудачно. Матвей даже не улыбнулся.

— Может, закажем ещё вина? — предложила я, чтобы снять напряжение.

— Отличная идея, — тут же подхватила Алёна, словно почувствовав, что нам нужно переключиться.

Богдан подозвал официанта, заказал нам ещё по бокалу вина, а себе и Матвею — пиво.

Матвей молчал. Я чувствовала, что он напряжён, и не знала, о чём с ним заговорить.

В воздухе витала неловкость, которую я отчаянно пыталась развеять.

— Когда у тебя следующий бой?

— Как найдут мне стоящего соперника, — ответил он, слегка пожав плечами.

— Ясно.

— А тебе что понравилось? — поинтересовался он.

— Да, было круто. Я бы ещё посмотрела, — призналась я.

— Ладно. Как будет следующий бой, сообщу, — кивнул он.

— На кого ты учишься? — вдруг спросил Матвей, меняя тему.

— Филолог, — ответила я с лёгкой улыбкой.

— О, будешь как бабушка — учителем русского языка и литературы? — в его глазах мелькнула искорка.

— Возможно, — я улыбнулась шире. — Ты помнишь мою бабушку?

Матвей помрачнел. Зря я завела тему о прошлом.

— Конечно. Она ведь меня не предавала... — его голос прозвучал глухо, и я почувствовала, как между нами снова выросла невидимая стена.

Я кивнула и опустила взгляд на тарелку с роллами, чув-

ствуя, как неловкость заполняет пространство.

— О чём вы там шепчетесь? — вмешалась Алёна, переводя внимание на себя.

— Пусть шепчутся. Не отвлекай их, — с тёплой улыбкой ответил Богдан, подмигнув мне.

Но Матвей больше не был настроен на беседу. Он лишь слегка кивнул, будто соглашаясь с самим собой, и отвернулся к окну.

Мы допили вино, расплатились и вышли на улицу. Вечерний воздух был свежим, с лёгкой примесью запаха дождя — где-то вдали мерцали молнии, обещая скорую грозу.

— Тебя подвезти? — неожиданно спросил Матвей, оставиваясь возле своего байка.

Я замерла. Никогда раньше не ездила на мотоциклах — и сейчас, глядя на мощный чёрный силуэт, почувствовала, как внутри всё сжалось. Страх смешивался с любопытством, а ещё — с необъяснимым волнением от самого факта, что Матвей предложил это мне.

Отказываться не хотелось. До сих пор он не проявлял такую инициативу и это слишком явно выбивалось из его обычного сдержанного поведения.

— Да. Подвези, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Матвей молча достал из подседельного отсека второй шлем, протянул его мне:

— Надевай. И держись крепче.

Я неловко надела шлем, пытаюсь нащупать застёжку в полумраке. Руки слегка дрожали — то ли от вечерней прохлады, то ли от волнения. Наконец ремешок зафиксировался под подбородком с тихим щелчком.

Матвей уже сидел на байке, провернул ключ зажигания. Двигатель ожил с низким, вибрирующим рыком, от которого по спине пробежали мурашки.

— Готова? — крикнул он, обернувшись.

Я кивнула, сглотнув. Осторожно устроилась позади него, обхватила руками его талию. Кожаная куртка Матвея была прохладной, но сквозь неё явственно ощущалось тепло его тела.

— Не бойся, — его голос донёсся сквозь шум мотора. — Я аккуратно.

Байк плавно тронулся с места. Первые метры я сидела напряжённо, вцепившись в куртку Матвея, боясь сделать лишнее движение. Но постепенно расслабилась, почувствовав уверенное управление.

Ветер играл с прядями волос, выбившимися из-под шлема. Город проплывал мимо в калейдоскопе огней: неоновые вывески, мерцающие витрины, силуэты прохожих, оборачивающихся на звук мотора. Вдали всё ярче вспыхивали молнии, озаряя небо призрачным светом.

Мы мчались по вечерним улицам, и с каждым поворотом страх отступал, сменяясь пьянящим ощущением свободы. Я прижалась ближе к Матвею, чувствуя, как ритм мотора сли-

вается с биением сердца.

Через несколько минут он свернул в тихий дворик и остановился у моего подъезда. Двигатель затих, оставив после себя непривычную тишину.

— Приехали, — сказал Матвей, снимая шлем.

Я последовала его примеру, встряхнула головой, распутывая спутавшиеся волосы.

— Спасибо. Это было... неожиданно. Но очень круто, — призналась я, глядя ему в глаза.

Он кивнул, и я заметила, что он с грустью смотрит на окно моей квартиры.

— Хочешь зайти? — предложила я, сама не зная, откуда взялась эта смелость.

— Почитаем книжку и послушаем музыку в наушниках? — с лёгкой усмешкой ответил Матвей, но в глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Почему бы и нет. Но вообще-то хотела предложить тебе выпить кофе, — улыбнулась я.

— Нет. Слишком много воспоминаний с твоей квартирой. Пока я к этому не готов, — тихо произнёс он, опустив взгляд.

Я кивнула, не настаивая. В его словах было столько невысказанного, что любые расспросы показались бы неуместными.

— До завтра? — спросил Матвей, делая шаг назад.

— До завтра? — переспросила я, слегка растерявшись.

— Ну да. Твоя подруга ведь завтра переезжает к нам. На-

верняка ты будешь ей помогать с переездом, — пояснил он.

— Переезжает к вам? Она ведь к Богдану... — я запнулась, пытаюсь осмыслить новость.

— Мы вместе с ним снимаем квартиру. Поэтому будем жить теперь, получается, втроём, — Матвей пожал плечами, но я уловила в его голосе нотку напряжения.

— Я не знала... Ты не рад этому? — осторожно спросила я.

— А ты как думаешь? В нашей холостяцкой берлоге теперь поселится девушка. Хотя она и так уже у нас практически поселилась с самого начала их отношений. Мало что изменится, — он усмехнулся, но улыбка вышла натянутой.

На секунду повисла пауза. Где-то вдали прогремел глухой раскат грома — приближалась обещанная гроза. Воздух стал тяжелее, насыщеннее.

— Всё равно это... непривычно, — продолжила я, подбирая слова. — Но, может, это и к лучшему?

— Может, — кивнул Матвей. — Время покажет.

— Ну, ладно. Пока тогда.

— Пока.

Я стояла у подъезда и смотрела, как он уходит. Почему-то сейчас я отчётливо вспомнила тот вечер — десять лет назад, когда Матвей впервые провёл меня домой. Мы тогда договорились встретиться на следующий день.

Как и тогда, я стояла и смотрела в его удаляющуюся спину. Но в этот раз всё будет иначе. Я не допущу старых оши-

бок.

Гроза всё-таки разразилась — первая капля упала на ладонь, за ней последовали другие.

Я улыбнулась, подняла лицо к небу и сделала глубокий вдох.

Завтра будет новый день. И, возможно, новая глава.

Глава 6

С утра я приехала к Алёне домой, чтобы помочь собрать её вещи. Квартира была наполнена суетой: чемоданы на полу, разбросанная одежда, открытые шкафы. Алёна металась между комнатами, то и дело хватая то одну, то другую вещь и задумчиво её разглядывая.

— Я не знала, что Матвей и Богдан живут в одной квартире.

— Да, так же дешевле снимать. И веселее, — ответила Алёна, запихивая в чемодан стопку футболок. — К тому же они давно дружат, им комфортно вместе.

— Ну, да, — кивнула я, поднимая с пола пару книг.

Алёна остановилась, посмотрела на меня с хитрой улыбкой, в глазах — искорки, будто она держит в руках секрет, который вот-вот выдаст:

— Мне кажется, ты ему нравишься.

— Кому? — не сразу поняла я, отвлекшись на переключивание блокнотов.

— Кому-кому. Матвею, конечно, — она подмигнула, и в этом жесте было столько уверенности, что мне стало не по себе.

Я рассмеялась, стараясь сделать вид, что это просто забавная шутка:

— Мне кажется, ты принимаешь желаемое за действительное.

тельное. Он общается со мной сквозь зубы. И вообще, за всё время даже ни разу не улыбнулся.

— Зато как он на тебя смотрит, когда ты не видишь, — настаивала Алёна, складывая джинсы в аккуратную стопку.

— Как он на меня смотрит? Алён, не накручивай меня, ладно?

Она подошла ближе, понизила голос, и в нём появилась непривычная серьёзность:

— А тебе он как?

Я сделала большие глаза, изображая наигранное удивление, и рассмеялась:

— Если ты такой специалист по взглядам и поняла, что я нравлюсь ему, зачем тогда спрашиваешь? Прочитай по моим глазам.

Алёна засмеялась в ответ, но взгляд её остался серьёзным, внимательным, будто она пыталась разглядеть что-то за моей маской беззаботности.

— Я уже и так давно всё прочитала. Ещё в баре, когда вы познакомились. Просто хотела услышать это от тебя.

Мне стало не по себе. Тема была слишком личной, слишком хрупкой, чтобы обсуждать её вот так.

— Давай собирать вещи, а?

Алёна вздохнула, но не стала настаивать. Молча взяла сумку и продолжила упаковывать вещи.

Мысли то и дело возвращались к Матвею. К его сдержанным словам, к редкому, но пронзительному взгляду, к то-

му, как он предложил подвезти меня вчера. Как дважды уже отваживал от меня назойливых парней. «Может, он меня всё-таки простит?» — шепотом спросила я себя.

Вчера, когда он привёз меня и я предложила ему зайти ко мне, на мгновение мне показалось, что ему хотелось зайти в мою квартиру. Вспомнить детство, посмотреть фильм, почитать вместе книгу, поиграть в игры на консоли. Но он отказался, сказал, что слишком много воспоминаний и он пока не готов. В его голосе звучала не холодность, а что-то другое — будто он боялся разбудить призраков прошлого.

Наконец мы собрали все вещи Алёны: чемоданы стояли у двери, сумки проверены, последние мелочи уложены.

Вызвали такси и направились к ребятам на квартиру.

Богдан и Матвей встречали нас у подъезда, чтобы помочь с сумками. Богдан широко улыбался;

— Давайте скорее, у нас там пицца стынет, — сказал он, делая шаг навстречу.

— И пиво греется, — добавил Матвей с едва заметной усмешкой.

— Надеюсь, на нас вы тоже заказали пиццу? — спросила Алёна, поднимаясь в лифте.

— Естественно, детка. Мы ведь всегда помним о вас, — ответил Богдан, толкая Матвея плечом и подмигивая. — Да, Матвей?

Матвей посмотрел на Богдана взглядом, способным убить, — будто тот только что выдал гос. тайну.

Мы зашли в квартиру к ребятам. Несмотря на то, что до этого они жили вдвоём, квартира не выглядела холостяцким логовом. Было чисто, аккуратно, убрано: ни грязной посуды в раковине, ни разбросанных вещей. На полках — несколько книг, на стене — большая карта мира с отметками, на подоконнике — пара горшков с неприхотливыми растениями. Всё выглядело продуманно, почти уютно.

Парни отнесли чемоданы в комнату Богдана — теперь уже и Алёны. Подруга светилась от счастья: её глаза блестели, а на губах то и дело появлялась улыбка. Я за неё была очень рада — искренне, без тени зависти.

— Ну, что, давайте отмечать? — спросил Богдан, доставая пиво из холодильника. Его движения были энергичными, полными энтузиазма.

Алёна достала тарелки и начала накладывать на них пиццу.

— Фри уже остыла, — заметил Матвей, беря коробку и направляясь к микроволновке.

Богдан включил телевизор — шёл какой-то сериал, судя по всему, не с первой серии. Парни тут же начали бурно его обсуждать: перебивали друг друга, вспоминали прошлые эпизоды, спорили о мотивах героев.

— Что это за сериал? — спросила я, присаживаясь на диван.

— «Острые козырьки», — ответил Матвей, ставя перед нами тарелку с разогретой фри.

— Я слышала про него, но ни разу не видела, — призналась я.

— Ты шутишь? Мы уже по пятому кругу пересматриваем, — воскликнул Богдан. — А ты видела? — обратился он к Алёне.

— Нет. Да я и не поклонница боевиков и фильмов про мафию, — ответила она, улыбаясь.

— Это не просто боевик. Начнёшь смотреть — не оторвёшься, — настаивал Богдан. — Включаю с первой серии тогда.

Он взял пульт, нашёл нужный эпизод и запустил воспроизведение. Экран засветился, и в комнате раздался характерный саундтрек сериала. Мы расселись: Алёна рядом с Богданом, я — чуть поодаль, на кресле. Матвей сел рядом со мной, но не слишком близко — ровно настолько, чтобы между нами оставалось пространство для неловкости.

Первые минуты просмотра прошли в молчании. Все сосредоточились на экране, где разворачивалась история семьи Шелби. Я пыталась вникнуть в сюжет, но мысли то и дело возвращались к Матвею. Его профиль был чётко очерчен в свете экрана, а взгляд — сосредоточен, но не напряжён.

— Смотри, вот здесь начинается самое интересное, — вдруг сказал он, слегка наклоняясь ко мне. Его голос прозвучал тихо, почти шёпотом, будто он делился секретом.

Я кивнула, стараясь сосредоточиться на происходящем на экране. Но внутри всё трепетало от этого короткого прикос-

новения к его миру — к миру, куда он редко кого-то допускал.

Через какое-то время Алёна потянулась к Богдану, положила голову ему на плечо. Он обнял её, не отрывая взгляда от экрана, но я заметила, как его пальцы на секунду сжали её плечо — нежно, почти незаметно.

Матвей, будто почувствовав мой взгляд, повернулся ко мне:

— Нравится?

— Пока не уверена, — честно ответила я. — Но интересно.

Он улыбнулся — коротко, но искренне. И в этой улыбке было что-то новое, будто трещина в привычной сдержанности.

— Дальше будет лучше, — пообещал он.

И я вдруг поняла, что хочу верить ему. Не только в том, что касается сериала, но и во всём остальном.

Глава 7

После трёх эпизодов «Острых козырьков» ребята пошли на балкон покурить. Мы с Алёной убрали со стола и занялись посудой. Вода шумела в раковине, звенели тарелки, а мы тихо переговаривались, обсуждая переезд и новые планы.

Вскоре открылась дверь балкона — парни вернулись внутрь. В воздухе ещё держался лёгкий запах табачного дыма, смешиваясь с ароматом пиццы и пива.

— Может, настолку? — предложил Богдан, потирая руки.
— А то от сериала уже глаза болят.

— Можно. Хотя я бы ещё посмотрела сериал, — призналась я, всё ещё думая о перипетиях семьи Шелби.

— Я за настолку, — тут же отозвалась Алёна. — Мне сериал не зашёл. Не моя тема.

— Может, в покер? Расписной, — неожиданно предложил Матвей, глядя на меня.

Я невольно улыбнулась. В детстве сосед бабушки — дядя Гена — научил нас играть в расписной покер. Мы часто заходили к нему с Матвеем, садились за старый деревянный стол, и он терпеливо объяснял нам правила, смеясь над нашими ошибками. Эти вечера остались в памяти как что-то тёплое, почти сказочное.

— Давай в покер, — ответила я, чувствуя, как внутри разливается приятное волнение.

Матвей тоже улыбнулся — той самой улыбкой, которую я помню с детства. Мальчишеской, настоящей и искренней, без тени привычной сдержанности. На секунду мне показалось, что мы снова там — в той маленькой квартире, где пахнет старым деревом, а за окном идёт дождь.

— А я не умею играть в расписной покер. Только в обычный, — призналась Алёна, слегка смущаясь.

— Мы научим, — успокоил её Богдан. — Расписной и правда гораздо интереснее обычного. Меня в своё время Матвей научил. А ты умеешь? — спросил он, поворачиваясь ко мне.

— Немного. Сосед моей бабушки научил.

Мы разложили карты на столике. Матвей достал блокнот и ручку, чтобы записывать счёт.

Матвей положил колоду, постучал по ней ладонью и начал объяснять:

— В «расписной» или «одесский» покер лучше играть вчетвером или шестером. Как раз нас четверо. Он разделил лист на колонки, вписал наши имена — для записи очков.

— Суть простая: раздаём карты, заказываем взятки, считаем очки. Богдан если что тебе по ходу игры поможет. — обратился он к Алёне.

— Суть простая: раздаём карты, заказываем взятки, считаем очки, — повторил Матвей, раскладывая колоду. — Сейчас объясню по порядку.

Он взял блокнот, разделил страницу на четыре колонки,

подписал их нашими именами и добавил строки: «Раздача», «Заказ», «Взято», «Очки».

— Первый момент — раздача карт. Начинаем с одной карты на игрока, потом по две, три — и так до девяти. Затем обратно: восемь, семь и так далее до одной. После каждой раздачи объявляем козырную масть.

— А как определяется, кто сдаёт? — спросила Алёна, внимательно следя за его руками.

— Сегодня сдаю я, — ответил Матвей. — Обычно сдающий меняется по кругу. Итак, раздали карты, объявили козырь. Теперь каждый игрок заказывает взятки — говорит, сколько взяток планирует взять за кон. Начинает игрок слева от сдающего.

— И в чём тут хитрость? — не унималась Алёна.

— В балансе, — улыбнулся Матвей. — Сумма заказанных взяток не должна равняться количеству карт в раздаче. Например, если у нас по семь карт, нельзя, чтобы в сумме заказали ровно семь взяток. Должно быть либо больше, либо меньше. Это создаёт интересную дилемму: последнему заказывающему приходится выбирать между рискованным заказом или «пассом».

— То есть я могу сказать «пас» и вообще не брать взяток? — уточнила Алёна.

— Именно. И за это получишь +5 очков. Но если скажешь «пас», а возьмёшь хоть одну взятку — только +1 за каждую. А если заказал, скажем, три взятки, а взял две — получишь

–10 за каждую недобранную. За каждую взятую сверх заказа тоже +10.

— Понятно... вроде бы, — протянула Алёна. — А как ходить-то?

— По очереди, начиная с того, кто сделал первый заказ. Обязательно кладёшь карту той же масти, что и первая в взятке. Если масти нет — обязательно бьёшь козырем. Если нет козыря — можешь сбросить любую карту другой масти. Старшая карта берёт младшую, козырь бьёт всё.

— А джокер? — вспомнила я.

— Джокер — особая карта, обычно это семёрка пик. Она может заменить любую карту — хочешь забрать взятку, хочешь отдать. Но использовать её надо с умом.

— А какие ещё есть варианты игры? — заинтересовался Богдан.

— Есть особые раунды:

Мизер — тут младшая карта бьёт старшую, всё наоборот;
Без козыря — играем без козырной масти;

Плюсовая — взятки не заказываются, каждая взятая даёт +10;

Минусовая — каждая взятка стоит –10;

Хваленая — игроки сами назначают козырь;

Тёмная — заказы делаются, не глядя в карты;

Золотая — все очки удваиваются, и плюс, и минус.

— Ничего себе! — воскликнула Алёна. — И вы во всё это играете?

— Конечно, — усмехнулся Матвей. — Начинаем с простого варианта, а там посмотрим. Готовы?

Мы кивнули. Матвей начал раздачу, и игра пошла своим чередом — с первыми ошибками, смешными моментами и постепенно нарастающим азартом.

Первую игру выиграла я, вторую — Матвей. Уроки дяди Гены не прошли зря.

— Вы аферисты! — рассмеялся Богдан, бросая карты на стол. — Как вы это делаете?

Я посмотрела на часы — уже два ночи. Мы и не заметили, как время пролетело. За разговорами, смехом и азартом игры часы словно растворились в воздухе.

— Ой, мне пора домой, уже поздно, — сказала я, поднимаясь.

— Завтра ведь у тебя выходной. Посиди с нами ещё, — начала Алёна, глядя на меня с надеждой.

— Нет, я поеду, — твёрдо ответила я.

— Я подвезу, — неожиданно предложил Матвей, отрываясь от своего телефона.

— Ты ведь пил пиво, — напомнила я.

— Может, у нас останешься? — спросил Богдан, глядя на Матвея с хитринкой в глазах.

— Нет, это неудобно, — я покачала головой.

— Почему? Отличная идея! — воскликнула Алёна. — Мы постелим тебе тут на диване.

— Ладно, вы тут решайте, а я к себе спать, — Матвей

резко встал и направился в комнату.

Его движение было резким, почти раздражённым. Не сложно догадаться, что идея с моей ночёвкой ему не очень понравилась.

Странно... Когда мы играли в покер, он смеялся, улыбался мне, в глазах мелькали искорки. А сейчас снова надел свою привычную маску безразличия.

— Спасибо за предложение, но я домой, — повторила я, доставая телефон.

Набрала номер такси, коротко объяснила адрес. Алёна проводила меня до подъезда. Мы обнялись, она шепнула:

— Он просто... сложный.

Я лишь кивнула. Машина подъехала почти сразу. Усаживаясь на заднее сиденье, я обернулась: в окне квартиры горел свет, и на мгновение мне показалось, что за занавеской мелькнул силуэт Матвея.

Такси тронулось. Город проплывал мимо — огни, тени, редкие прохожие. Я прислонилась к окну, чувствуя, как усталость смешивается с радостью от проведённого дня вместе и с лёгкой грустью.

Сколько времени мы потеряли, не общаясь...

И сколько ещё мне нужно приложить усилий, чтобы он снова начал мне доверять? Вопрос без ответа. Я перебирала в голове его сегодняшние взгляды, улыбки, внезапную холодность. Что скрывается за этой маской? Обида? Страх? Или просто привычка держать всех на расстоянии?

Такси мягко катило по ночным улицам. Каждая освещённая витрина, каждый перекрёсток будто подчёркивали разрыв между тем, что было, и тем, что есть сейчас. Я вспоминала, как во время игры Матвей смеялся, его глаза светились — и это было по-настоящему. Но потом, когда речь зашла о ночёвке... Резкий уход, молчание, отчуждение.

Почему он так реагирует? Может, боится, что близость разрушит выстроенную им границу? Или воспоминания о прошлом слишком болезненны?

Я закрыла глаза, пытаюсь унять внутренний диалог. Завтра — новый день. И, возможно, ещё один шаг к тому, чтобы снова стать частью его мира. Но для этого нужно терпение. И вера, что за маской безразличия всё ещё живёт тот самый Матвей, с которым мы когда-то смеялись над одними и теми же шутками и верили, что время не способно нас разлучить.

Глава 8

Алёна позвала меня сегодня в гости — обещала пиццу, пиво и просмотр «Острых козырьков». Но мне захотелось сделать вечер особенным, поэтому я предложила:

— А давай не просто пиццу закажем, а сами приготовим? И я хочу сделать свой фирменный картофель по бабушкиному рецепту — с фаршем и сыром.

Алёна восторженно согласилась:

— Конечно! Обожаю, когда ты что-то готовишь.

Я составила список, и по дороге к ней заехала в магазин, чтобы купить нужные продукты.

Алёна открыла мне дверь, и в прихожей тут же разлился тёплый аромат её любимых ванильных свечей.

— Привет! Заходи скорее, — она широко улыбнулась, отступая в сторону. — Я как раз чай заварила, пока ждала.

Я переступила порог, держа в руках два увесистых пакета с продуктами.

— Ого, ты основательно подготовилась, — рассмеялась Алёна, помогая мне разгрузить сумки. — Всё сама купила?

— Почти всё, — кивнула я, направляясь на кухню. — Не все специи были в магазине.

Мы расставили покупки на столешнице: мука высшего сорта, свежие яйца, оливковое масло, твёрдый сыр, фарш из мраморной говядины, молодой картофель, помидоры, бази-

лик, чеснок. Рядом — баночки с пряностями, которые Алёна уже достала из шкафчиков.

— А где Матвей и Богдан?

— Уехали куда-то по делам, скоро будут, — махнула рукой Алёна. — Но ты не переживай, мы и без них успеем всё приготовить. Тем более что я ужасно хочу научиться делать твой фирменный картофель. Бабушка ведь тебя учила?

— Да, — улыбнулась я, доставая большую миску для теста. — Это её фирменный рецепт. Говорит, секрет в том, чтобы картофель был молодой, а фарш — с хорошей жирностью. И обязательно добавить немного мускатного ореха.

Я начала замешивать тесто: просеяла муку горкой, сделала углубление, вбила два яйца, добавила щепотку соли и столовую ложку оливкового масла. Алёна тем временем включила воду в раковине и взяла нож.

— Давай я пока картофель почищу, — предложила она. — Только скажи, как именно резать.

— Нарезь «лодочками», — объяснила я, вымешивая эластичное тесто. — Раздели картофелину вдоль на четыре части, потом каждую часть ещё пополам. Должно получиться восемь «лодочек» из одной картофелины. И не слишком тонко — нам же фаршировать.

Пока я раскатывала тесто для пиццы, кухня наполнялась уютными звуками: журчание воды, постукивание ножа по разделочной доске, лёгкое шипение оливкового масла на сковороде, куда я отправила обжариваться мелко нарезан-

ный лук с фаршем.

— Знаешь, — заговорила Алёна, не отрываясь от чистки, — я всё думаю, как здорово, что мы вот так собрались. Давно не готовили вместе.

— Да, — улыбнулась я, разложив тесто по противню и смазав его домашним томатным соусом. — Бабушка всегда говорит, что готовка — это как магия. Вложил душу — и блюдо получается особенным.

Я поставила противень с картофелем в духовку, выставила температуру. Алёна тем временем нарезала помидоры, перец и грибы для пиццы.

— Слушай, я тут такое узнала. — вдруг спросила она, не глядя на меня, будто бы между делом.

Я замерла с ножом в руке.

- Что узнала?

- Матвей и Богдан росли в детском доме.

За Матвея я прекрасно знаю. А вот за Богдана только догадывалась.

- Бедные ребята. Богдан говорит им было очень не просто. Его постоянно избивали, а Матвей всегда за него заступался, так и подружились. Потом их избивали вместе. Но Богдану повезло больше и его усыновила приличная семья.

— Алёна...

Молчать уже нет смысла. Я должна рассказать ей, о том, что я давно знаю Матвея. Сейчас самое подходящее время.

В этот момент в прихожей послышались голоса и звук открывающейся двери.

— Пришли! — воскликнула Алёна, бросаясь встречать парней.

В кухню вошли Матвей и Богдан, с пакетами и смехом.

— Ого, чем это так пахнет? — выдохнул он, втягивая носом аромат. — У меня уже слюнки текут.

— Это мы готовим нам ужин, — с гордостью объявила Алёна.

Матвей остановился в дверях, окинул взглядом стол, духовку, нас с Алёной. На его лице промелькнуло что-то тёплое, почти детское. Он посмотрел на меня — и в его глазах я уловила искру, которую так давно искала.

— Похоже, я пропустил самое интересное, — сказал он тихо.

— Главное, ты успел к ужину, — ответила я, чувствуя, как внутри разливается тепло.

Мы накрыли стол: расставили тарелки, Алёна поставила свечи в простых стеклянных подсвечниках — их мягкий свет тут же придал обстановке уют и камерность. Богдан достал из холодильника запотевшие бутылки пива.

Мы все сели за стол. Аромат пиццы и запечённого картофеля наполнил комнату.

— «Козырьков» включаю? — спросил Матвей, беря в руки пульт от телевизора.

— Конечно! — ответила я, раскладывая по тарелкам ру-

мяную пищу. Затем принесла из кухни противень с картофелем — золотистые «лодочки» с аппетитной сырной корочкой источали пряный аромат мускатного ореха.

— О-о-о, фирменная картошечка бабушки Гали! — воскликнул Матвей с неподдельной радостью, потянувшись к блюду.

В ту же секунду Алёна и Богдан устремили на него удивлённые взгляды. Матвей замер с вилок в руке, осознав, что сболтнул лишнего.

— Бабушки Гали? — медленно переспросила Алёна, прищурившись. — Откуда ты знаешь бабушку Сони?

Матвей промолчал, лишь бросил короткий взгляд в мою сторону — будто искал поддержки.

Я глубоко вздохнула:

— Мы знакомы. Давно.

— Что?! — Алёна даже вилку отложила, настолько её поразила новость. — И когда ты мне собиралась об этом рассказать?

— Сегодня, — прошептала я, опустив глаза к тарелке. — Честно. Просто...

— Очень вовремя, — с лёгкой обидой в голосе ответила Алёна, но тут же смягчилась, увидев моё смущение.

— Подожди-подожди, — вмешался Богдан, хлопнув ладонью по столу. — Так, значит, ты — та самая девчонка, в которую Матвей в детстве был влюблён? Вот это поворот!

Влюблён? Матвей был в меня влюблён?!

Внутри всё перевернулось. Я невольно подняла глаза на Матвея — он сидел, сцепив пальцы в замок, взгляд упрямо устремлён в тарелку.

— Что ты несёшь? — резко отозвался Матвей, не глядя на Богдана. — Какое «влюблён»? Просто дружили.

— Ну да, конечно, — усмехнулся Богдан, явно наслаждаясь моментом. — Я прекрасно помню, как ты по утрам возвращался на завтрак в детдом и с горящими глазами рассказывал про неё.

Матвей резко отодвинул стул:

— Это уже не имеет никакого значения. Мы были детьми. Давайте закроем эту тему и, в конце концов, поедим.

За столом повисла тяжёлая пауза. Я чувствовала, как горят щёки, как стучит в ушах кровь. Алёна смотрела на меня с обидой, но уже без гнева — скорее с недоумением, будто пыталась сложить пазл из обрывков информации. Богдан, напротив, сиял, явно довольный тем, что вскрыл давнюю тайну. А Матвей... он вообще избегал моего взгляда, сосредоточенно нарезая кусок пиццы на идеально ровные квадратики.

— Ладно, — первой заговорила Алёна, нарушая молчание. — Давайте хотя бы поужинаем спокойно. Картошка и правда пахнет божественно.

Она потянулась к блюду, взяла одну «лодочку», откусила — и тут же зажмурилась от удовольствия:

— М-м-м, ты молодец, Соня.

Её слова немного разрядили обстановку. Я робко улыбнулась, взяла вилку. Матвей наконец-то поднял глаза — на секунду наши взгляды встретились, и в его зрачках мелькнуло что-то неуловимое: то ли сожаление, то ли невысказанные слова. Но он тут же отвернулся, сделав вид, что интересуется сериалом, который уже шёл на экране.

Богдан, будто не замечая напряжения, налил всем пива, поднял бокал:

— За вкусный ужин и старых друзей!

Мы неохотно присоединились к тосту. Свечи мерцали, отбрасывая причудливые тени на стены, а в воздухе всё ещё витали вопросы, на которые никто не решался ответить.

После ужина мы сыграли партию в расписной покер. Богдан, явно окрылённый воспоминаниями о прошлых поражениях, с азартом перемешивал карты, то и дело подшучивая над собственными неудачами. На этот раз удача оказалась на его стороне.

Ребята снова предложили мне остаться у них. Если честно, я так устала за этот насыщенный день — и эмоционально, и физически, — что не стала сопротивляться. Силы словно вытекли сквозь пальцы, оставив лишь тихое желание просто закрыть глаза и ни о чём не думать.

— Матвей, ты же не против, если я останусь у вас? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он замер на полпути к двери, едва повернул голову, бросил коротко:

— Да мне всё равно.

И ушёл в свою комнату, не дожидаясь ответа.

«Всё равно». Эти два слова ударили сильнее, чем я ожидала. Внутри что-то надломилось. Сколько можно? Я понимаю, что обидела его, сильно. Но это было десять лет назад. Я всё осознала. И стараюсь исправить ошибку прошлого. Каждый день, каждый взгляд, каждое слово — будто попытка склеить разбитое зеркало. Но он не даёт мне ни малейшего шанса. Как только мне начинает казаться, что лёд между нами тает, он снова выстраивает стены вокруг себя.

— Не обижайся на него, — тихо сказал Богдан, когда Матвей скрылся за дверью, а Алёна пошла искать постельное бельё.

Я повернулась к нему, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы:

— Я знаю, что совершила большую ошибку. Но я его искала, хотела извиниться. Я стараюсь как могу, но он не хочет со мной особо разговаривать. И его поведение... оно ранит.

Богдан кивнул, взгляд его стал серьёзным, почти сочувствующим.

— Понимаю. Матвей непростой парень, и ему в жизни было не сладко. И он правда был в тебя влюблён.

— Мы были просто друзья, — прошептала я, сама не зная, пытаюсь ли убедить его или себя.

— Соня, у него были друзья — в том числе и я. Ты была для него не просто друг. Про друзей ведь не рассказыва-

ют, какие они красивые, какие у них глаза, какие волосы и улыбка.

— Он говорил, что я красивая? — голос дрогнул.

Богдан улыбнулся — тепло, по-дружески.

— Говорил. И что-то мне подсказывает, что он до сих пор так считает. Поэтому и отталкивает тебя. Не хочет снова довериться и обжечься.

В этот момент в комнату зашла Алёна, держа в руках комплект постельного белья.

— Не могла найти постельное на диван.

— В шкафу, что возле окна, на верхней полке, — подсказал Богдан.

— Да, я уже нашла. Вставайте, расстелим диван.

— Я сама, — начала я, поднимаясь.

— Не выдумывай. Хоть я на тебя и обижена, но ты наша гостья — я тебе постелю, — твёрдо сказала Алёна.

— Ален, не обижайся, я правда хотела сегодня тебе всё рассказать. Как раз когда парни вернулись.

— А до этого времени же не было, — она слегка нахмурилась, но тут же смягчилась.

— Подходящего не было, — ответила я, глядя в пол. — Изначально я промолчала, потому что он сделал вид, что не узнал меня. А потом уже искала момент, чтобы рассказать.

Алёна замерла на секунду, посмотрела мне в глаза, потом вздохнула и положила руку на плечо:

— Ладно. Я не обижаюсь.

Мы вместе расстелили диван, разгладили простыни, уложили подушки. В комнате стало тихо — только далёкий шум города за окном и приглушённый свет ночника.

Я села на край дивана, обхватила колени руками. Мысли крутились в голове, словно снежинки в вихре зимнего ветра. «Он говорил, что я красивая... Он был в меня влюблён...»

А теперь — «мне всё равно».

Как далеко друг от друга эти два мира. И как трудно найти дорогу между ними.

Глава 9

Утром я проснулась от солнечного света, пробивавшегося сквозь жалюзи в гостиную. Лучи рисовали на полу причудливые полосы, а в воздухе витал свежий запах наступающего дня. Все ещё спали, и я решила не терять времени — тихонько пробралась на кухню.

В холодильнике нашлись все нужные ингредиенты для яблочных оладий: пара сочных яблок, яйца, мука, молоко. Быстро замесила тесто, добавила щепотку корицы — и вскоре по квартире поплыл уютный аромат жарящихся оладий.

Первым на кухню заглянул Богдан, потянув носом воздух: — Как пахнет! Может, ты у нас останешься жить? — улыбнулся он, потирая руки.

Я рассмеялась в ответ: — Очень заманчиво, но боюсь, тогда вы меня быстро возненавидите за беспорядок.

— Я не против, — поддержала Алёна, входя следом и тут же хватая с тарелки горячий оладушек. — Особенно если это будет каждое утро.

Мы расположились за столом, разлили по кружкам ароматный чай. В этот момент на кухню зашёл Матвей. Он выглядел свежим и бодрым, в глазах — непривычный азарт.

— Мне нашли соперника. Сегодня будет бой, — объявил он, доставая из холодильника бутылку воды.

— Отлично! Поедем сегодня все вместе, — оживилась

Алёна, поворачиваясь ко мне. — Ты как?

— Не знаю... — замялась я, помешивая чай.

— Тебе же в прошлый раз понравилось? — вмешался Богдан. — Помнишь, как мы болели?

— Да, понравилось.

— Значит, едем все вместе! — подытожила Алёна с энтузиазмом. — Без вариантов.

Я вздохнула, глядя на их воодушевлённые лица: — Хорошо. Тогда я сейчас поеду домой. Честно говоря, спала неважно. Хочу немного отдохнуть, а вечером буду готова.

После завтрака я собрала вещи, поблагодарила Алёну за гостеприимство и отправилась домой. В такси, глядя на мелькающие за окном городские пейзажи, я пыталась унять странное волнение.

С одной стороны — предвкушение: в прошлый раз мне очень понравилось смотреть на Матвея в бою. Его сосредоточенность, сила, грация — всё это завораживало. Я ловила себя на том, что неотрывно слежу за ним, забывая дышать в самые напряжённые моменты.

С другой — тревога. Его сдержанные взгляды, короткие фразы... Мы словно балансировали на тонкой грани между прошлым и настоящим, не решаясь шагнуть ни вперёд, ни назад. А особенно неприятно было вспоминать его поцелуи после боя — тот самый, с незнакомой девушкой. Картинка до сих пор стояла перед глазами.

Моё сердце не выдержит ещё одного такого поцелуя.

Дома я приняла душ, легла в постель и почти мгновенно уснула. Сон пришёл лёгкий, без навязчивых мыслей, будто давая передышку перед предстоящим днём. Но даже сквозь дремоту где-то на краю сознания пульсировала одна мысль: «Как всё сложится сегодня?»

Ребята, как и в прошлый раз, заехали за мной перед боем. В машине царило приподнятое настроение: Алёна оживлённо пересказывала последние новости, Богдан подшучивал над Матвеем, а тот лишь усмехался, глядя в окно. Я молчала, украдкой наблюдая за ним — за тем, как играют желваки на скулах, как крепко сжимаются пальцы на колене. Он был сосредоточен, собран, словно пружина, готовая распрямиться в нужный момент.

Мы прибыли на место. Здесь всё было уже знакомо: запах пота и металла, ритмичная музыка, вспышки телефонов. Мы заняли свои места у ринга, и вскоре объявили первый бой.

Матвей вышел на ринг под одобрителный рёв зрителей. Его соперник — высокий, жилистый парень с татуировками на руках — сразу пошёл в атаку.

Бой начался жёстко. Матвей сначала отступал, изучая противника, пропуская удары, но не теряя равновесия. Я ловила себя на том, что сжимаю кулаки до боли, следя за каждым его движением. Вот он уклоняется от прямого удара, вот резко уходит в сторону, затем — молниеносная серия ударов в корпус. Соперник теряет равновесие, Матвей ловит момент и проводит решающий хук — соперник падает на канвас.

Зал взрывается аплодисментами. Судья поднимает руку Матвея, объявляя победу. Он тяжело дышит, но в глазах — азарт и триумф.

Он спускается с ринга, проходит мимо нас, и в этот момент что-то внутри меня ломается. Адреналин, восхищение, давняя тоска — всё сливается в один мощный импульс. Я не удерживаюсь: подбегаю к нему, хватаю за плечи и целую. Страстно, отчаянно, вкладывая в этот поцелуй всё, что копилось во мне месяцами — невысказанные слова, затаённые чувства, бессонницы, мысли, крутившиеся в голове день за днём.

Матвей замирает на секунду — кажется, даже перестаёт дышать. А затем отвечает. Его руки крепко обхватывают меня, прижимают к себе так, что между нами не остаётся ни малейшего расстояния.

Мы целуемся долго, жадно, будто пытаюсь наверстать упущенное время. Его губы — горячие, требовательные; его дыхание смешивается с моим, становится общим, единым. Я чувствую биение его сердца — оно грохочет под моими ладонями, прижатыми к его груди. В этом поцелуе — и боль, и надежда, и что-то ещё, невыразимое словами.

Мир вокруг исчезает. Остаются только он, его руки, его губы, его запах — пот, адреналин, победа. Всё, что я так долго держала внутри, вырывается наружу: желание прикоснуться, быть рядом, сказать без слов: «Я здесь. Я помню. Я жду».

Время теряет смысл. Возможно, проходят секунды, а может — целая вечность. Наконец он медленно отстраняется, но не отпускает меня полностью — держит за плечи, смотрит в глаза. В его взгляде — вихрь эмоций: удивление, растерянность, что-то похожее на страх.

— Зачем ты это сделала? — тихо спрашивает он, отпуская меня.

Я опускаю взгляд, чувствуя, как горят щёки:

— Прости... Я не смогла удержаться. Ты был такой... потрясающий.

Он делает шаг назад, проводит рукой по волосам.

— Это была ошибка, — говорит он твёрдо, но без злости. — Нам не стоит... усложнять.

Слова режут, но я киваю. Понимаю. Принимаю.

Алёна и Богдан молча подходят ближе, пытаясь сгладить неловкость. Кто-то из зрителей окликает Матвея. Он уходит, бросая на меня последний взгляд.

А я остаюсь стоять, чувствуя, как внутри всё дрожит. Поцелуй был настоящим. А вот его слова — ещё одна стена, которую он выстроил между нами.

Глава 10

Я пришла на речку — моё тайное место для раздумий. Здесь, среди шелеста листвы и плеска воды, всегда удавалось собраться с мыслями. Именно здесь десять лет назад я впервые встретила Матвея.

Сидя на прогретом солнцем камне, я снова прокручивала в голове вчерашний поцелуй. Да, я сделала первый шаг, но он ответил — горячо, жадно, без колебаний. А потом... потом всё рухнуло из-за его «это была ошибка».

«Почему? — думала я, глядя на игру солнечных бликов на воде. — Почему он не позволяет себе быть счастливым?»
— Привет.

Я резко обернулась. Перед мной стоял Матвей — всё с той же лёгкой улыбкой, что и десять лет назад.

— Матвей? Что ты тут...

— Прихож

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.